

УДК 343.9:343.2(43)(091)

DOI 10.17150/1996-7756.2015.9(2).404-412

К ВОПРОСУ О ПЕРВЫХ ОПЫТАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБЫЧНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДРЕВНЕЙ ГЕРМАНИИ

Э.В. Георгиевский, Р.В. Кравцов

Юридический институт Иркутского государственного университета,
г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

22 октября 2014 г.

Дата принятия в печать

20 мая 2015 г.

Дата онлайн-размещения

30 июня 2015 г.

Ключевые слова

Жрецы; старейшины;
общеплеменное собрание;
судоговорение; законоговоритель;
соприсяжники

Аннотация. С позиций конкретно-исторического и структурно-сопоставительного методов исследования рассматриваются базовые основы судопроизводства древних германцев эпохи догосударственного строя. Формы реализации обычного права древнегерманских племен эпохи, предшествующей образованию первых варварских королевств, находятся в непосредственной взаимосвязи с общественно-политическими и культурно-религиозными основаниями уголовного-правового генезиса и являются первым опытом противодействия преступности. Судебные функции и функции исполнения наказаний у древних германцев, в зависимости от уровня конфликта и вида социально-структурной единицы общества, принадлежат соответственно и хронологически жрецам, старейшинам, вождям племен или отцам семейств. Первоначально такие народные суды первичной формации осуществляли свою деятельность исключительно на базовой идее примирения, чередуя собственно судебные функции с функциями посредническими. Позже раннегосударственная власть постепенно форматирует процесс осуществления правосудия, порицая преступника и удовлетворяя уже не только потерпевшего, но и публичную власть. Древнегерманское уголовное судопроизводство глубоко символично. Судебные ритуалы осуществляются в строго определенном месте и в четко установленное время, изначально, очевидно, реализуя божественную волю. Но суд божий вполне коррелировал с судом земным, который также достигал целей справедливости, а его вершители материально вознаграждались. На смену идейным и родовым правителям, сочетавшим судебные функции с управленческими, постепенно приходят профессиональные судьи. Судебное разбирательство у древних германцев, так же как и у многих других народов Европы, проникнуто принципами родовой взаимопомощи, круговой поруки, порождающими систему совместных платежей — вергельдов и институт соприсяжничества, что опять-таки основано на взаимном внутриобщинном доверии. Принципы судоговорения базировались на априорной вере в искренность слов истца и ответчика, если они являлись этническими германцами, свободными по происхождению. Именно эта вера привела к появлению идеи состязательности в судебном процессе древних германцев. Система судебных доказательств у них была достаточно объемной. В ряде случаев судебному приговору придавался статус закона.

ON THE WAYS OF THE EARLIEST EXPERIMENTS AGAINST THE CRIME IN CUSTOMARY CRIMINAL LAW OF ANCIENT GERMANY

Georgievsky, Eduard V., Kravtsov, Roman V.

Law Institute of Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Article info

Received

2014 October 22

Accepted

2015 May 20

Available online

2015 June 30

Abstract. In this article using the concrete historical and structural-comparative research methods are considered; the fundamental principles of the proceedings of ancient Germans of pre-state system's era are studied. Forms of realization of customary law of ancient German tribes are in close relationship with the socio-political, cultural and religious foundations of the criminal law genesis, it's the first experiment against the crime. Ancient Germans judicial functions and functions of their execution belong to the priests, elders, tribal leaders or paterfamilias. Initially these people's courts of primary formation realized their activities exceptionally on the fundamental idea of reconciliation, alternating judicial and intermediary functions. Later early-state authority gradually formats the administration of justice, repressing the criminal and

Keywords

Priests; elders; common tribal
meeting; pleadings; compurgators

satisfying not only the victim, but also the public authority. Criminal proceeding of Ancient Germans is deeply symbolic. Judicial rituals are carried out in a special place and in a clearly specified time, initially, obviously realizing the divine will. But the court by ordeal is quite correlated with the court «of the earth», which also achieved the goals of justice and combined with material benefits. Ideological and patrimonial sovereigns, who combined the functions of the court with management duties, are replaced by professional judges. Judicial proceeding of ancient Germans, as well as many of other European nations, is permeated with the stripes principles of mutual aid, mutual responsibility, generating a system of co-payments of blood money and compurgation. Principles of pleadings based on the a priori belief in sincerity of the pronounced words by the plaintiff and the defendant, if they were ethnic Germans, and of free origin. This belief has led to appearance of adversarial system's idea in proceedings of ancient Germans. The system of evidences of ancient Germans was developed enough as well. In some cases the court decision was given the status of law.

В истории права древних народов огромный интерес представляют те этапы развития, которые предшествовали государственному образованию и практически не освещены в письменных источниках. Это связано с тем, что устное народное право достаточно редко закреплялось в позитивных законодательных актах. Гипотетическая реконструкция подобных правовых образований — это всегда достаточно сложная работа, результатом которой может и должно стать восстановление ясной и более или менее последовательной картины правового наследия прошлых эпох. Очевидно, не является исключением обычное уголовное право Древней Германии, формы реализации которого авторы хотели бы осветить в настоящей работе, представляя их как первые опыты противодействия преступности.

Согласно сведениям К. Тацита, на первых этапах своего исторического развития судебные функции и функции исполнения наказаний в народных собраниях принадлежали жрецам. Жрецы не только осуществляли смертную казнь, но и применяли телесные виды наказаний («бичуют»), использовали оковы, очевидно, по отношению как к обвиняемым (как меру пресечения), так и к осужденным (как вид наказания) [23, с. 356]. Кроме того, именно жрецам принадлежало исключительное право поддерживать общественный порядок в процессе проведения народного собрания и наказывать его нарушителей [23, с. 358]. Как отмечает К. Лампрехт, жрецы осуществляли все эти функции по приказанию военных вождей, но под видом выполнения воли божества [15, с. 120].

Мы полагаем, что нужно сделать важное уточнение. Описание, даваемое К. Таци-

том, характеризует начала судебной системы, свойственные догосударственному обществу. Г.В. Мальцев считает, что на этом этапе развития человеческого общества преобладают так называемые суды первичной формации. Основной характеристикой таких судов является существование определенной категории лиц (вожди, старейшины), имеющих посреднический опыт. «Этот «народный суд» древнего общества всеми мерами добивается примирения сторон, широко применяет согласительные процедуры, он вообще может рассматриваться как орган, воплощающий в себе как посреднические, так и судебные функции» [18, с. 601].

Судопроизводство у балтийских славян (балтов), например, которые были ближайшими географическими соседями древних германцев, также осуществлялось князем или народом. У вагров не было специальных мест для осуществления суда. По понедельникам они собирались в священном лесу, где происходили не только моление, но и судебные процессы, которые велись с обязательным участием жрецов и князя. При этом суд всецело подлежал воле богов, а жрецы были толкователями их воли [7, с. 197]. По предположению А.Ф. Гильфердинга, судебная власть у некоторых других балтийских славян была сосредоточена преимущественно в руках князя — у бодричей, в руках общины — у лютичей, а на острове Рюане (Ране) — в руках Святовитова жреца [7, с. 197]. Князь осуществлял правосудие и у поморских (померанских) славян. Но абсолютно по всем делам князь не всегда был в силах сам выносить приговоры и делегировал судебные полномочия в жупы своим наместникам. «Сколько видно из поморских грамот, — пишет А.Ф. Гильфердинг, — судебные

дела различались троякие: малые, большие и наибольшие (*judicia minora, maiora, maxima*); первого рода дела соответствовали, кажется, гражданским искам, второго и третьего были уголовные (дела смерти и крови, *iudicium mortis et sanguinis*); в делах малых определялись разные взыскания, в больших виновный подвергался в первой категории лишению члена, в последней смертной казни (в юридической формуле поморских грамот этого рода уголовные дела назывались «судом руки и горла»); но, по-видимому, большей частью и то и другое наказание выкупалось пеней, так что поморяне упрекали немцев за жестокость их наказаний, за их обычай рубить руки, выкалывать глаза у преступников» [7, с. 198].

Один из исследователей суда во времена Русской Правды, Н.Л. Дювернуа, отмечает, что в период становления государственности у древних русов суд уже практически полностью был княжеским. «Вольный князь, призванный народом, поставленный, в силу призвания, в определенные отношения к целой волости, — он в этих условиях должен был служить и действительно служил самым верным органом господствующей идеи права» [9, с. 168]. И хотя судебная власть официально никому, кроме князя, в его волости не принадлежала, для осуществления правосудия он вынужден был использовать своих помощников (наместников); именно таким образом создавались органы княжеского суда. Более того, на первых этапах древнерусский княжеский суд был очень подвижен. Об этом, в частности, свидетельствуют названия структурных единиц земли — погосты, станы, позже уезды. Именно в них и через них бесконечно движутся вирники, мечники, отроки, требуя корма для перекладных коней. Правда, Н.Л. Дювернуа уточняет, что суд посадника продолжал оставаться стационарным [9, с. 177]. Подобного мы практически не наблюдаем у древних германцев догосударственного периода, где тинги неподвижны и тунгины не объезжают свои земли. Да и гораздо позже, в средневековый период развития, так называемое городское право Германии также неподвижно [1, с. 72–74]. Однако, далее гипотетически реконструируя древнерусскую докняжескую юстицию, Н.Л. Дювернуа вынужден заметить, что, «несмотря на то, что Русская Правда дает очень немного средств для восстановления полной картины суда, мы ви-

дим в ней повсюду содействующую княжескому суду деятельность общин» [9, с. 174].

В то же время древнегерманское уголовное судопроизводство очень символично и обрядовая сторона процесса у древних германцев имела гораздо большее значение, чем, например, у восточных славян. Во всяком случае, точных данных о том, как осуществлялся суд по нормам обычного уголовного права в Древней Руси, мы практически не имеем. Германцы же, осуществляя правосудие, обращали внимание и на время года, и на время дня, и на дни недели, и на место судилища. Н.Л. Дювернуа приводит любопытное описание судьи в древнегерманском народном суде, взятое у Я. Гримма: «Он должен сидеть с посохом, посох белый, ибо с него снята кора. Седалище имеет определенную форму. Поза судьи должна выражать спокойствие, для этой цели он сидит, положив ногу на ногу» [9, с. 178–179]. Мы полагаем, что что-то подобное было и у нас, особенно если принять во внимание, что на ранних этапах развития государства судебную власть осуществляли волхвы.

Кроме жрецов древнегерманских общеплеменных народных собраний, полномочиями осуществлять судебную власть на местах (в округах и селениях) наделялись избираемые на этих же собраниях старейшины. Хотя необходимо учитывать один важный методологический аспект, на который обращает внимание Ж. Дюмезиль. Исследователь считает, что германцы (так же как и балты, славяне и скифы), обладая не очень выраженной и определенной политической властью и не имея большого корпуса жрецов, фактически делегировали выполнение религиозно-культурных функций отцам семейств, вождям групп и главам племен. А те, в свою очередь, достаточно успешно и без особых усилий сочетали религиозные функции с функциями верховного вожества и военного предводительства [10, с. 136–137]. «У древних германцев, — пишет Г.В. Мальцев, — не было священных книг, подобно Ригведе и Авесте; жречество, которое могло бы подчинить фиксированным правилам культовую и социальную жизнь, не сложилось, не выделилось из категории людей, способных воевать и носить оружие. Жреческая функция, которая почти во всех более ранних индоевропейских культурах нуждалась в космических абстракциях, сакрально-правовых категориях, таких как универсаль-

ный порядок и вечный закон, перевоплотилась в культовую практику, отражающую трагическое восприятие человеком трансформаций бытия через разломы, разрушения, катастрофы, осознание человеческой жизни как непрерывной борьбы, «вечного боя» [17, с. 137]. Но вместе с тем отсутствие четко упорядоченных этико-юридических правил в религиозных системах древних германцев и скандинавов восполняется их героическим пафосом [17, с. 138; 27, р. 159].

Эту особенность осуществления судебных функций подмечает и Джамбаттиста Вико, также выделяющий в историческом развитии несколько видов правосудия. Божественный суд предполагал средоточие судебной власти у глав семейств в «естественном состоянии», т.е. до появления позитивных законов. Речи обвинительная и защитная произносились одним лицом, свидетелями в таких судебных процессах выступали сами боги [5, с. 390–391]. Затем правосудие приобретает форму естественного права героических народов, когда право выражается словами и в торжественных формулах, но при этом все-таки опирается на войну или силу [5, с. 395–398]. И только третий вид правосудия основывается на истинности фактов, совести и милости позитивных законов, но при этом он был самым недолговечным и неупорядоченным [5, с. 399].

Древние люди, по мнению Г.В. Мальцева, вполне удовлетворялись идеей не только суда божьего, но и суда земного, так как в древности он вполне соответствовал чаяниям народа о справедливом правосудии. «В рамках судебной организации, — пишет исследователь, — судебное рассмотрение было публичным, открытым, гласным, доброжелательным, участливым, заинтересованным не просто в мирном исходе спора или конфликта, но в результатах, способных устроить всех участников процесса, наилучшим образом разрядить ситуацию, установить гармонию» [18, с. 610].

Со временем, по справедливому замечанию Г.В. Мальцева, на первый план в осуществлении судебной деятельности выходят «люди власти», представляющие потестарные органы власти. Хотя судебские функции еще не отделяются от общих функций, тем не менее требуют участия все большего количества почтенных, опытных и сведущих в праве людей. В основе судебных решений продолжают оставаться ин-

тересы всей группы, а не индивидуальных ее членов. Н. Гартунг отмечает, что ни князю, ни графу, ни какому иному чиновнику, наделенному судебной властью, не дозволялось произносить (выносить) приговор. Это было исключительно делом общины (веча). «Каждый из этих чиновников исправлял в своем округе судебную власть в силу королевского *bannus*, но власть их ограничивалась сзыванием людей на вече, которые и произносили приговор. Граф только председательствовал и в знак власти держал обнаженный меч или розги, с которых была снята кора» [6, с. 27].

Судебное разбирательство «проникнуто принципами родовой самопомощи». Все это в конечном итоге приводит к формированию так называемой родовой, племенной, общинной юстиции [18, с. 602]. Подобная родовая взаимопомощь чаще всего интерпретируется как круговая порука. Это проявляется и в совместной уплате вергельда, и в обязательном сборе на клич о помощи, и в том, что перед убийством пойманного на преступлении лица пресекающий преступление был обязан уведомить об этом соседей, сбежавшихся на клич [6, с. 28]. Убитого преступника убивший выставлял на перекрестке дорог на несколько дней и должен был охранять его тело. Только после этого труп доставлялся в суд. В случае если преступник не был убит сразу, а только обезврежен, поймавший его обязан был доставить преступника в суд с привязанным к его спине поличным. Если сразу поймать преступника не представлялось возможным, но он был известен, потерпевший с соседями шли к его дому и вызывали последнего в суд [6, с. 28].

Нужно сказать, что нечто похожее существовало в судеустройстве восточных славян. Так, в частности, особый интерес у исследователей вызывает статья 40 Суда Ярослава Владимировича, имевшая заголовок «О татьбе» и гласившая: «Аже убьють кого у клети или у которое татьбы, то убьють во пса место; аже ли и додержатъ света, то вести на княжъ двор; оже ли убьють и, а уже будуть людие связана видели, то платити в томъ 12 гривен» [22, с. 66–67]. Традиционное толкование данной нормы предполагает, что в статье устанавливается уголовная ответственность за убийство связанного вора, которое подлежало наказанию штрафом (виroy) в 12 гривен [22, с. 98]. С.В. Ведров, напротив, полагает, что

штраф в 12 гривен является продажей и не может являться взысканием за убийство [4, с. 88]. Ученый аргументирует свою позицию тем, что эта высшая княжеская продажа взыскивалась не за убийство ночного вора, а за нарушение «привилегий княжеской юрисдикции» [4, с. 89].

Судоговорение у древних германцев начиналось символическим криком, подобным тому, каким сзывались на помощь родственники и соседи во время преступного посягательства. Если ответчик сознавался в совершении преступления, то наказание следовало тотчас же. Если же преступник упорствовал в непризнании вины, сторонам необходимо было представить доказательства [6, с. 29]. Исходным началом в древнегерманском судебном процессе, согласно точке зрения Н.Л. Дювернуа, является «слепая» вера судьи в искренность слов истца и ответчика, если они оба являются свободными германцами. Отсюда бесконечные очистительные присяги и судебные поединки, а упрямство и самоуправство тяжущихся сторон приводит к рождению состязательности процесса. «Итак, — резюмирует Н.Л. Дювернуа, — из самой идеи древненемецкого суда вытекает необходимость состязания, в результате которого получается собственно торжество силы, а за этим торжеством силы, условным образом, признается значение торжествующей истины. Это будет истина формальная, может быть, прямо противоположная материальной истине, к которой мог бы прийти судья, если бы он не был в выборе средств стеснен горячим чувством чести у спорящих» [9, с. 194].

К системе судебных доказательств у древних германцев Н. Гартунг относит собственное признание; фактические, вещественные признаки нарушенного права (раны, труп, поличное, «поимка на деле»). Кроме этих, прямых доказательств были еще доказательства второго порядка (косвенные). К ним, в свою очередь, относились: собственная присяга, присяга соприсяжников, показания свидетелей, божьи суды [6, с. 30]. Характеризуя систему судебных доказательств у древних германцев, А. Палюмбецкий отмечает их известную условность и нетвердость, связанную с еще доминирующими частными началами не только в уголовном обычном праве, но и в начинающем зарождаться раннегосударственном уголовном праве и процессе [20, с. 5].

Раннегосударственные суды с момента своего возникновения начинают конкурировать с судами общины. Расширяются претензии раннего государства на преследование все большего числа преступников и преступлений, изымаются из юрисдикции общинных судов все больше категорий дел [18, с. 628]. Об ограничении компетенций народных собраний совещаниями знати (будущими потестарными органами), в том числе и по кругу судебных дел и полномочий, говорит и А.И. Неусыхин [19, с. 221].

Необходимо отметить, что, например, у древних норвежцев бонды (свободные домохозяева, представлявшие основу древненорвежского общества) как лагманы-законоговорители и просто люди, сведущие в праве, изначально не были профессиональными юристами в современном смысле слова. Они просто хранили в своей памяти большое количество сведений из области различных юридических казусов и процедур и могли их применять в различных ситуациях. Однако вначале к их помощи прибегали очень редко, так как обычное право было и так знакомо практически всем [11, с. 159]. Согласно данным М.В. Панкратовой, законоговорители — это явление, свойственное только северным древнегерманским землям (Норвегии, Исландии, Швеции). Германские народы материковой Европы, оказавшиеся в зоне влияния римской культуры и унаследовавшие латинскую письменность, законоговорителей не знали [21, с. 81]. «Законоговоритель, — пишет М.В. Панкратова, — как человек, знающий законы, в первую очередь был призван объявлять о том, что говорит закон в том или ином случае и какое решение будет законно. Законоговоритель разъяснял дело, а не судил его. Однако с течением времени норвежский законоговоритель превратился в настоящего судью и юриста» [21, с. 81]. Таким образом, скандинавский законоговоритель был сначала толкователем закона, его хранителем, а затем стал исполнителем закона. Эти люди не имели никакой власти, хотя обладали авторитетом, службу на тинге несли добровольно и пожизненно [21, с. 84].

Высшими судебными органами у древних германцев были суды общины или суды сотни, форма которых на протяжении нескольких столетий не претерпевала изменений, и это, в свою очередь, было далеко не случайным. Суд, пожалуй как никакой другой орган общественного

управления, настолько непосредственно, повсеместно и часто вмешивался в повседневную жизнь людей, разрешая в том числе постоянные социальные конфликты, что просто обязан был обладать непререкаемым авторитетом. Народные собрания, выполнявшие функции суда, одновременно представляли собой органы общего управления в широком смысле (о демократических началах в уголовном судопроизводстве на современном этапе в некоторых странах Европы см.: [28]). У англосаксов, например, подобным народным (национальным) собранием, выросшим из собрания воинов, завоевавших Англию, был «уитенагемот» [8, с. 4; 26, р. 238]. Такие собрания созывались не хаотично, а регулярно, через равные промежутки времени, если только не возникали чрезвычайные ситуации. Среди рассматриваемых дел были и те, которые сегодня можно было бы назвать уголовными делами (спорами) [2, с. 285].

Заседания судов (тингов) проходили под руководством выборного председателя — тунгина, на роль которого, как правило, выбирался не только зажиточный, но и хорошо знающий право член общины. На заседаниях же таких судов должны были присутствовать только свободные (полноправные), имеющие право голоса члены общины [14, с. 240–241]. «Во всех собраниях, — сообщает П.Н. Шеймин, — могли участвовать люди свободные и полноправные. Правоспособность лица определялась принадлежностью к общине. Лица, принадлежавшие к общине, выбирали ради управления местными общинными делами начальников, соединявших в своих руках функции суда и управления... Выборные начальники находились под постоянным надзором народа и народных собраний» [24, с. 53].

Как полагает К. Лампрехт, сам способ избрания начальников общины предопределял объем и характер его властных полномочий. Это было доверенное лицо общины, предназначенное для осуществления добрых дел, он был в большей степени представителем своего товарищества, чем чиновником [15, с. 104; 30, р. 609]. Выбранным старейшинам для охраны, совета и, возможно, исполнения судебных и уголовно-исполнительных функций выделялось сто человек из простого народа [23, с. 359]. О том, что в мирное время функции отправления судебной власти принадлежали старей-

шинам, утверждает Юлий Цезарь [12, с. 129; 25, р. 296; 29, р. 78]. «Как судебный орган, — пишет К. Лампрехт, — начальник, прежде всего, был третейским судьей для товарищей; к его полюбовному посредничеству обращались прежде, чем решались на суровое судопроизводство в деле родовой распри, прежде, чем шли на формальное судебное разбирательство. Если же дело доходило до судебного решения, то опять-таки начальник являлся председателем судебной общины и в знак своего судебного руководства он получал часть причитавшихся общине общественных пеней за нарушение мира» [15, с. 105]. У поморских славян за суд по незначительным делам князю платили четыре гроша, поэтому и сам суд получил название «суд четырех грошей». По делам о преступлениях князю и общине шла значительно большая сумма [7, с. 198–199].

Очевидно, что имеет смысл обратить внимание на разные уровни народных собраний у древних германцев. К. Лампрехт упоминает об общеплеменных военно-народных собраниях — фолькстингах. Они, в отличие от родовых или сотенных тингов (комитет испытанных мужей, судебная община), практически не занимались политическими и судебными делами, а решали вопросы войны и мира, а также в исключительных случаях рассматривали дела по преступлениям, связанным с изменой, нарушением клятвы в верности предводителю или трусостью в бою. На фолькстингах разбирались споры между отдельными сотнями, какого бы рода они ни были [15, с. 121].

Судебная система Древней Германии в период, предшествовавший образованию первых варварских королевств (в частности, франкского), выглядела следующим образом. Все будущее франкское королевство разделялось на судебные округа («*pagi*»), начальником каждого из которых был граф. Тунгины находились у окружающих графов в подчинении и являлись прямыми помощниками в судебных делах. Но «нижние» суды (общинные и сотенные) все реже решали вопросы, требующие сложной судебной процедуры. Таким итоговым (высшим) судом считается суд окружной, в состав которого входили семь свободных мужей (рахинбургов) [16, с. 280–281].

Примечательно, но, например, у древних шведов (готландцев) высшим собранием являл-

ся племенной альтинг. Так же как и фолькстинг, альтинг концентрировал в себе различные вопросы — суд, налоги, военное дело, внутренняя и внешняя политика, а также законодательство. Так, по предположению некоторых исследователей древнешведских законов, именно на альтинге, вероятнее всего, был принят Гуталаг («Закон гутов») [13, с. 115].

Определенной спецификой обладала процедура признания судебного приговора в качестве закона. Начальник (председатель) народного собрания формально открывал и закрывал судебное заседание, а также оглашал приговор. Его советники (комитет испытанных мужей) совместно с ним формулировали приговор. Затем с проектом приговора знакомились все члены собрания и должны были его одобрить. После признания справедливости приговора всеми членами собрания последний оглашался во всеуслышание председателем и получал окончательно статус закона. Подобная процедура была во всех уголовных делах, именно таким образом создавались и принципы уголовного права [15, с. 122]. «Обнародование закона, — пишет А.И. Бойцов, — тесно связано с презумпцией правознакомства, которая, по всей вероятности, явилась первой юридической презумпцией в истории права, поскольку в период господства обычного права и изушной традиции воспита-

ние и другие инструменты социализации ориентировали всякого, принадлежащего к данному коллективу, в том, что есть должное и недожное, тогда как с началом писаного права (особенно если оно противоречило многовековой и общепризнанной традиции) положение должно было измениться, так как вполне допустимой сделалась ссылка на неграмотность, недоступность информации и другие обстоятельства, позволяющие отговориться неведением в случае нарушения какого-либо запрета» [3, с. 63]. По мнению ученого, именно этот факт послужил толчком к тому, что законы начали фиксировать в формах, позволяющих им быть общедоступными, — наносить на стены, деревянные доски, каменные плиты и выставлять возле мест, где обычно осуществлялось правосудие [3, с. 63].

Древнегерманская судебная система была вполне жизнеспособна и еще до появления государства в полном смысле этого слова (до начала формирования первых варварских королевств) не только существовала де-факто, но и обращала на себя внимание иностранных наблюдателей (военачальников, писателей, историков и путешественников). Более чем очевидно, что эта судебная система вполне справлялась с основными своими задачами — обеспечением общественного порядка и безопасности, а также разрешением конфликтных ситуаций и споров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов Г., фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии / Георг фон Белов ; под ред. Д. Петрушевского. — М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. — XLVI с.; 224 с.
2. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. / Г.Дж. Берман. — М. : Изд-во МГУ : Изд. группа ИНФРА-М — НОРМА, 1998. — 624 с.
3. Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и в пространстве / А.И. Бойцов. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. — 257 с.
4. Ведров С.В. О денежных пенях по Русской Правде сравнительно с законами салических франков / С.В. Ведров. — М. : В унив. тип., 1877. — X с.; 143 с.
5. Вико Дж. Основания новой науки / Дж. Вико ; под общ. ред и вступ. ст. М.А. Лифшица. — М. ; Киев : REFL-book — ИСА, 1994. — 656 с.
6. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России / Н. Гартунг. — СПб. : В тип. Э. Арнольда, 1868. — 206 с.
7. Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян : в 3 ч. / А.Ф. Гильфердинг ; биограф. очерк К.Н. Бестужева-Рюмина, вступ. ст. и коммент. В.В. Фомина, коммент. С.В. Цветкова. — М. : Рус. панорама ; СПб. : РБЦ «Блиц», 2013. — 704 с.
8. Глебов А.Г. К проблеме формирования органов публичной власти у англосаксов в VI–IX вв.: Королевский совет / А.Г. Глебов // Средние века. — М. : Наука, 2001. — Вып. 62. — С. 3–12.
9. Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России: Опыты по истории русского гражданского права / Н. Дювернуа. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 396 с.
10. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль ; пер. с фр. Т.В. Цивьян. — М. : Гл. изд-во вост. лит. изд-ва «Наука», 1986. — 234 с.
11. Закс В.А. Некоторые особенности языка и логики областного права Средневековой Норвегии / В.А. Закс // Средние века. — М. : Наука, 1989. — Вып. 52. — С. 157–172.
12. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне / пер. и коммент. М.М. Покровского. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. — 559 с.

13. Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы / отв. ред. и сост. А.А. Сванидзе. — М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. — 334 с.
14. История государства и права зарубежных стран (рабовладельческое и феодальное государство и право) / под ред. П.Н. Галанзы, Б.С. Громакова. — М. : Юрид. лит., 1980. — 547 с.
15. Лампрехт К. История германского народа / К. Лампрехт ; пер. с нем. П. Николаева. — М. : Тип. В. Рихтер, 1894. — Т. 1. — 608 с.
16. Лоренц Ф. Руководство к всеобщей истории / Ф. Лоренц. — СПб. : Изд.-книгопродавец Ю.А. Юнгмейстер, 1847. — Ч. 2, отд.-ние 1. — 508 с.
17. Мальцев Г.В. Культурные традиции права / Г.В. Мальцев. — М. : ИНФРА-М — Норма, 2013. — 608 с.
18. Мальцев Г.В. Мест и возмездие в древнем праве / Г.В. Мальцев. — М. : ИНФРА-М — Норма, 2012. — 736 с.
19. Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма : избр. тр. / А.И. Неусыхин. — М. : Наука, 1974. — 535 с.
20. Палюмбецкий А. О системе судебных доказательств древнего германского права сравнительно с Русскою Правдою и позднейшими русскими законами, находящимися с ними в ближайшем соотношении / А. Палюмбецкий. — Харьков : Печ. в унив. тип., 1844. — 75 с.
21. Панкратова М.В. Роль и место законоговорителя в судебно-правовой системе Норвегии XII–XIII вв. // Староладожский сборник. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ин-та истории РАН «Нестор-История», 2003. — Вып. 6. — С. 81–91.
22. Российское законодательство X–XX веков : тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1984. — Т. 1 : Законодательство Древней Руси. — 430 с.
23. Тацит Корнелий. Сочинения : в 2 т. / Корнелий Тацит ; изд. подгот. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеев. — Л. : Наука, 1969. — Т. 1 : Анналы. Малые произведения. — 443 с.
24. Шеймин П.Н. Франкское королевство и монархия // Записки Императорского Новороссийского университета / П.Н. Шеймин ; под ред. А.А. Кочубинского. — Одесса : Тип. «Одесского Вестника», 1889. — Т. 49. — С. 51–491.
25. Buckland W. Roman Law and Common Law / W. Buckland, A. MacNair. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1965. — 439 p.
26. Harding A. Medieval Law and the Foundations of the State / A. Harding. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2001. — 392 p.
27. Ofenbruggen E. Das Strafrecht der Langobarden / E. Ofenbruggen. — Zurich, 1863. — 168 p.
28. Rowan M. Democracy and punishment: A radical view / M. Rowan // Theoretical Criminology. — 2012. — Febr. — № 16 (1). — P. 43–62.
29. Stein P. Roman Law in European History / P. Stein. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. — 137 p.
30. Wilda W. Das Strafrecht der Germanen / W. Wilda. — Halle, 1842. — 977 p.

REFERENCES

1. Belov Georg, fon; Petrushevskii D. (ed.). *Gorodskoi stroi i gorodskaya zhizn' srednevekovoi Germanii* [City order and city life of medieval Germany]. Moscow, M. i S. Sabashnikovy Publ., 1912. XLVI p.; 224 p.
2. Berman G.Dzh. *Zapadnaya traditsiya prava: epoha formirovaniya* [Western law tradition: development époque. Lomonosov Moscow State University, Infra M, Norma Publ., 1998. 624 p.
3. Boitsov A.I. *Deistvie ugovnogo zakona vo vremeni i v prostranstve* [Criminal law action in time and space]. Saint Petersburg State University Publ., 1995. 257 p.
4. Vedrov S.V. *O denezhnykh penyakh po Russkoi Pravde sravnitel'no s za-konami salicheskikh frankov* [On pecuniary fine according to Russkaia Pravda comparing to Salian Franks' laws]. Moscow, University Publ., 1877. X p.; 143 p.
5. Viko Dzh., Lifshits M.A. *Osnovaniya novoi nauki* [New science fundamentals]. Moscow, Kiev, REFL-book — ISA Publ., 1994. 656 p.
6. Gartung N. *Istoriya ugovnogo sudoproizvodstva i sudoustroistva Frantsii, Anglii, Germanii i Rossii* [Court procedure and organization history in France, England, Germany and Russia]. Saint Petersburg, E. Arngold Publ., 1868. 206 p.
7. Gil'ferding A.F. *Istoriya baltiiskikh slavyan* [History of Baltic Slavs]. Moscow, Russkaya panorama; Saint Petersburg, Blits Publ., 2013 704 p.
8. Glebov A.G. On problem of Anglo-Saxon public authorities development in VI–IX Centuries: *King's Council. Srednie veka* [Middle ages]. Moscow, Nauka Publ., 2001, iss. 62, pp. 3–12.
9. Dyuvornua N. *Istochniki prava i sud v Drevnei Rossii: Opyty po istorii russkogo grazhdanskogo prava* [Sources of law and court in Ancient Russia: Experiment on history of Russian civil law]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 396 p.
10. Dyumezil' Zh. *Verkhovnye bogi indoevropeitsev* [Supreme Gods of]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 234 p.
11. Zaks V.A. Certain aspects of language and logic of regional law in Medieval Norway. *Srednie veka* [Middle ages]. Moscow, Nauka Publ., 1989, iss. 52, pp. 157–172.
12. Pokrovskii M.M. (ed.). *Zapiski Yulii Tsezarya i ego prodolzhatel'ei o gall'skoi voine, o grazhdanskoi voine, ob aleksandriiskoi voine, ob afrikanskoi voine* [Julius Caesar and his followers' commentaries De Bello Gallico, De Bello Civili, De Bello Alexandrino, De Bello Africo]. Moscow, Leningrad, USSR RAS Publ., 1948. 559 p.
13. Svanidze A.A. (ed.). *Iz rannei istorii shvedskogo naroda i gosudarstva: pervye opisaniya i zakony* [From Early history of the Swedish people and state: first description and laws]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1999. 334 p.
14. Galanz P.N., Gromakov B.S. (eds). *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran (rabovladel'cheskoe i feodal'noe gosudarstvo i pravo)* [History of state and law of foreign countries (slave-owning and feudal state and law)]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1980. 547 p.
15. Lamprekht K. *Istoriya germanskogo naroda* [History of the Germans]. Moscow, V. Richter Publ., 1894. Vol. 1. 608 p.

16. Lorents F. *Rukovodstvo k vseobshchei istorii* [Guide to world history]. Saint Petersburg, Yu.A. Jungmeister publisher and bookseller Publ., 1847. Pr. 2, part 1. 508 p.
17. Mal'tsev G.V. *Kul'turnye traditsii prava* [Cultural traditions of law]. Moscow, Infra M, Norma Publ., 2013. 608 p.
18. Mal'tsev G.V. *Mest' i vozmezhdie v drevnem prave* [Revenge and retaliation in Ancient law]. Lomonosov Moscow State University, Infra M, Norma Publ., 2012. 736 p.
19. Neusykhin A.I. *Problemy evropeiskogo feodalizma* [Problems of European feudalism. Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 535 p.
20. Palyumbetskii A. *O sisteme sudebnykh dokazatel'stv drevnego germanskogo prava sravnitel'no s Russkoyu Pravdoyu i pozdneishimi russkimi zakonami, nakhodyashchimisya s nimi v blizhaishem sootnoshenii* [On system of judicial evidence of Ancient German Law comparing to Russkaia Pravda and later Russian laws]. Khar'kov, University printing office Publ., 1844. 75 p.
21. Pankratova M.V. Role and place of a lawspeaker in Norwegian legal institutional framework in XII–XIII centuries. *Staro-ladozhskii sbornik* [Ladoga collection]. St. Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences, Nestor-Istoriya Publ., 2003, iss. 6, pp. 81–91.
22. Chistyakov O.I. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : teksty i kommentarii* [Russian legislation in X–XX centuries: text and reviews]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1984. Vol. 1. 430 p.
23. Tatsit Kornelii; Bobovich A.S., Borovskii Ya.M., Sergeenko M.E. (eds). *Sochineniya* [Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. Vol. 1. 443 p.
24. Sheimin P.N. Franks' state and monarchy. In Kochubinskii A.A. (ed.). *Zapiski Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta* [Novorossiysk Imperial University records]. Odessa, Odesskii Vestnik Publ., 1889, vol. 49, pp. 51–491.
25. Buckland W., Mac Nair A. *Roman Law and Common Law*. Cambridge University Press, 1965. 439 p.
26. Harding A. *Medieval Law and the Foundations of the State*. Oxford University Press, 2001. 392 p.
27. Ofenbruggen E. *Das Strafrecht der Langobarden*. Zurich, 1863. 168 p.
28. Rowan M. Democracy and punishment: A radical view. *Theoretical Criminology*, 2012, February, no. 16 (1), pp. 43–62.
29. Stein P. *Roman Law in European History*. Cambridge University Press, 2004. 137 p.
30. Wilda W. *Das Strafrecht der Germanen*. Halle, 1842. 977 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Георгиевский Эдуард Викторович — профессор кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: georgcrime@yandex.ru.

Кравцов Роман Владимирович — заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Георгиевский Э.В. К вопросу о первых опытах противодействия преступности в обычном уголовном праве Древней Германии / Э.В. Георгиевский, Р.В. Кравцов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 2. — С. 404–412. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9 (2).404-412.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Georgievsky, Eduard V. — Professor of Chair of Criminal Law of the Irkutsk State University, PhD in Law, Associate Professor, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: georgcrime@yandex.ru.

Kravtsov, Roman V. — Head of Chair of Criminal Law of the Irkutsk State University, PhD in Law, Associate Professor, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com.

REFERENCE TO ARTICLE

Georgievsky E.V., Kravtsov R.V. On the ways of the earliest experiments against the crime in customary criminal law of ancient Germany. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 2, pp. 404–412. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).404-412. (In Russian).